

В тот июльский день 2002 г. - самый разгар моих каникул между десятым и одиннадцатым классами, я проснулся рано... часов в 10 от телефонного звонка. Звонила женщина-ортопед, кандидат медицинских наук, с которой моя мать дружит ещё со школы. После обычных «дежурных» разговоров о здоровье, делах, том, куда я думаю поступать, я объяснил ей, когда моя мать придёт с работы, и хотел уже, было, повесить трубку, на что услышал: - Мне, собственно, тебя и надо. - Зачем? - Удивился я. - Хочу посмотреть, какой ты у нас хороший мальчик, твоя мама сказала, что ты не против будешь. Не то, чтобы я был «не против», я, попросту, спросонья не очень хорошо понимал, что она хочет этим сказать, но, чтобы не подводить ту, на кого сослалась моя собеседница, буркнул: - Да. - Ну, хорошо, только бельё чистое одень, и мед книжку не забудь. Теперь мне было ясно, что значит «посмотреть, какой ты хороший мальчик», и для чего это ей (я слышал о том, что она пишет докторскую диссертацию). По правде сказать, я был ещё меньше «не против», мне было, попросту, неловко от того, что не просто «врачиха», но женщина, которую я с детства знаю, будет смотреть и трогать меня почти, а, может, и не почти голым. Кроме того, в виду бессонных ночей, каждой из которых я очень стыдился, я, поросту боялся «опозориться», ибо свои эрекции считал жутко неприличными. Но делать было нечего, выдавив из себя: - Хорошо, подъезжать к вам? - Да, мой хороший, - почему-то уже этой фразы... не фразы даже, а того, каким тоном она была сказана, я ощутил растущую пустоту внизу живота, пытаясь успокоить себя, я прикусил губу, и стал слушать дальше, - только про карточку и трусики не забудь. По дороге до её района, находившегося на другом конце города, меня мучили страшноватые картины моего будущего стыда, унижения, того, как я не смогу после этого смотреть в глаза ни маме, ни её подруге... Но при этом где-то в самом подсознании всё нарастало (пропорционально моему чутко реагировавшему на эти сигналы члену) чувство радостного предвкушения: как мне придётся раздеваться перед этой ещё молодящейся женщиной, как она повелительным тоном скажет «подойди», как будет трогать меня, может, даже там... Калитку (путь мой лежал в частный дом) открыла сама хозяйка - небольшого роста уже полнеющая, но всё ещё очень привлекательная женщина в белом халате, наброшенном поверх чёрного топика и таких же джинсов. Её рыжие, крашенные хной волосы были собраны на затылке в тугой узел. - Опаздываешь, - ласковым, но в то же время строгим тоном сказала она, забрав у меня пакет с карточкой, - девушек заставлять ждать нехорошо... - Девушек? - А чем я тебе не девушка? - Улыбнулась собеседница, - и потом, у меня ещё помощница есть... Да, и вот ещё, - продолжила она уже серьёзным тоном, - твоей девушки, равным образом, как и родителей, здесь не будет, так что нечего нас стесняться, и изволь, пожалуйста, делать всё, что скажут. - Хорошо. - Ну вот и ладно, - произнесла она, когда мы вошли в небольшую комнатку, бывшую сразу за прихожей, - в первую очередь, - она кивнула на стоявшую там вешалку с дешёвой сумочкой, - если здесь Анька, раздеваешься до трусиков, и заходишь. Если её не будет, раздеваешься полностью, и заходишь, кроме неё стесняться тебе не кого, ясно? Проглотив ком в горле, я кивнул. - Тогда вперёд. Я сделал то, что мне говорили. - В полосочку, - усмехнулась сосредоточенно наблюдавшая за всем этим ортопед, - ладно, идём, - и зачем-то за руку повела меня в смежное помещение, служившее кабинетом. Анька оказалась довольно высокой истройной черноволосой девушкой лет восемнадцати, но при

этом не особенно красивой из-за чересчур худого лица с несколькими хорошо заметными из-за бледной кожи прыщами. Представив нас (наверное, это было самое неловкое знакомство в моей жизни), её начальница велела мне стать на середину комнаты, и, надев довольно изящные полукруглые очки, деловито произнесла: - Начнём, шифр ему ты уже присвоила? - Да. - Хорошо, - обратилась она ко мне, - трусы чуть приспусти. Я чуть-чуть опустил резинку. - Да не так, господи, - взявшись с боков, она потянула мои плавки вниз, так, что только стремившееся вырваться наружу мужское естество оказалось ими прикрыто, но этот «недостаток» компенсировался тем, что член, должно быть (точно сказать не могу, ибо от стыда тогда мало что замечал), нашёл путь где-то в районе ляжки. - Так, хорошо, руки подними. Я сделал, как мне было велено, дальше последовало: = Прямо, на бёдра, опусти, спиной, ногу мне дай, = и, заставив согнуть в колене, взявшись одной рукой за голень, пару раз провела ногтем по моей ступне, ─ опусти, другую. Так, Ань, = обратилась она к своей помощнице, проделав то же самое со второй ногой, ─ пиши: «кожа чистая». Лицом ко мне. Я почти механически повиновалась, тогда она грубо оттянула угол моего рта, потом другой. Мне было одновременно и очень больно и очень приятно (даже СЛИШКОМ приятно) чувствовать её прикосновения, хуже всего было то, что врач прекрасно это видела. - Смотри, как я на молодых людей действую, - улыбнулась осматривавшая, кивая ниже моего пояса, - ладно, рот открой... шире... ещё... Я старался, как мог, но шире сделать этого, просто физически, не получалось. - Может, - прозвучал со стороны Аньки робкий голосок, - вы используете... заодно и мне покажете. - Она меня ещё учить будет! Ладно, садись на кушетку, рот не закрывай. Стоило мне сделать это, как моих губ и передних зубов коснулась какая-то проволока, в следующую секунду появилась боль, куда более сильная, чем та, что я испытал, когда она совершила манипуляции в ручную, будто мне оторвали нижнюю челюсть. И точно, рот сам собой раскрылся чуть не на пол лица, как в той рекламе. - Вот видишь, и ничего в этом сложного нет, - к своему ужасу я почувствовал над собой дыхание Ани, - ладно, - в руках у говорившей что-то щёлкнуло (как я потом понял, электрический фонарик), - садись, пиши... Прикус постоянный, правильный, кариеса нет... Миндалины, - у меня во рту оказалась ещё какая-то железка, - в норме, язык с небольшими следами отложений. Встань, - обратилась она ко мне, сняв ту штуку (большего кайфа, чем после освобождения от этой железки я, кажется, не испытывал никогда). - Жалобы на здоровье есть? - Н... нет. - А что так неуверенно? - Говорившая села на мягкий стул, стоявший возле письменного стола, - подойди, спиной ко мне поворачивайся, - я почувствовал, как тонкие и холодные пальцы начинают медленно прощупывать каждый мой позвонок. Закончив с позвоночником (чтобы пощупать копчик, ей пришлось приспустить мои трусы ещё ниже), ортопед велела мне повернуться и скрестить руки за спиной, дальше настала очередь рёбер. Женщина аккуратно, но сильно сдавливалась каждую их пару. В этот момент мне пришло в голову, что это почти объятия, а значит, меня впервые в жизни обнимает женщина, да ещё и практически голым! В какой-то момент я начал задыхаться, продержав меня так, и хищнически усмехнувшись, врач убрала руки и коротко спросила: - Ломал? - Что? - Что-нибудь, в том числе, рёбра. - Нет. - А мне кажется, ломал... Ладно, ложись на кушетку, на спину, ногами ко мне. Сделав это, я тотчас почувствовал, как её руки ласково, но в то же время как-то жёстко, методично, идут вперёд-назад по моему телу, но что это? Я почувствовал её пальцы в своих трусах, вот они идут всё ниже и ниже, уже почти там, где я так боялся, и одновременно так ждал... Затем пальцы исчезли, а к моим бёдрам прикоснулась что-то тонкое и холодное, оказавшееся

впоследствии металлической линейкой. - Ну вот, как я и говорила, одна нога чуть короче, будем вытягивать... - врач на секунду задумалась, - но только не сейчас, сейчас он стесняется, да и не привезли ещё... Так ладно, по хорошему, тебя надо бы здесь на ночь оставить, - обратилась она ко мне, - но пока не за чем, так что, если пообещаешь, что завтра придёшь в это же время, можешь быть свободен. Я пообещал. - Да, и лобок побрей, завтра один на один с тобой встречаемся. На следующий день, напрочь забыв о втором требовании, я, к своему ужасу, не увидел на вешалке сумочки. Но делать было нечего, раздевшись, я вошёл в кабинет, впервые в жизни представ полностью голым перед человеком противоположного пола. - Так, а то, о чём просили, ты, конечно, не сделал, - задумчиво произнесла врач, - ну, хорошо, так и знать будем... Стань к раковине... И да, стесняться будешь своих одноклассниц... Я сделал то, что мне говорили, и только тут заметил на небольшой раковине, бывшей здесь же, в кабинете пену для бритья и одноразовый станок, стоило мне сделать это «открытие», как последовал толчок в спину и команда: - В плотную. Далее, уже взяв бритвенные принадлежности, она опустила глаза на мой член (понятно, давно уже стоявший торчком) и, чуть улыбнувшись, открыла холодную воду, от которой он почти моментально сморщился. - Вот, - почти победным тоном сказала она, - если собираешься куда-то, а у тебя стоит - впервые в жизни я услышал это слово от взрослого! Впрочем, я перед взрослыми раньше и не раздевался, - вот так делай, теперь стой спокойно, а то я могу порезать. Надо ли говорить, что я тогда чувствовал?! Сначала плавные, поглаживающие движение её руки моему лобку, потом - аккуратные движения бритвы, потом, опять эти же руки, но уже смывавшие пену... И, разумеется, моё мужское естество опять стояло торчком. - Нда... - протянула женщина, - кажется, я знаю, что тебе нужно... чуть отойди. Я сделал, что мне говорили. - Ноги пошире... Теперь в руку возьми и... давай, только не говори, что сам такого не делал. Конечно, я делал! Но не то от смущения, не то, ещё от чего-нибудь, в этот раз у меня никак не получалось. На собственной спине я почувствовал недовольный взгляд женщины, но что это?! Между моих ляжек просовывается рука, до сильной, но боже, какой сладкой! боли сжимающая яйца, вторая рука пытается протиснуться сквозь инстинктивно сжатых ягодиц. - Что это ты такой зажатый, - слышу я над самым ухом, - а ну расслабься, и работай давай, я не собираюсь тут из-за тебя день терять! Вскоре я почувствовал, как струи прохладной жидкости с небывалой до того силой льются из моего кончика, я хотел был уже отпустить свой член, но почувствовал, как тот вновь «приходит в боевую готовность», а сзади слышно: - Давай-ко ещё, чтобы больше он о себе не напоминал... Но и второй раз, как выяснилось, не был последним. В конце концов, меня не подвели, а буквально свалили на кушетку. Если бы я в принципе был способен тогда что-то видеть, то заметил бы привязанные к ней эластичные бинты с манжетами. Эту перемену я заметил как только эти манжеты застегнулись на обоих моих запястьях и одной ноге, вслед за этим с болью и хрустом в сопровождении какого-то механического звука три мои конечности поползли в разные стороны. - Не больно? - Словно в издёвку прозвучало над самым ухом. - Больно. - Сильно? - Да. Но против моих ожиданий тянуть меня стало только сильнее. Наконец растяжка прекратилась, а врач вновь занялась какими-то измерениями в области моего таза. ─ Хорошо, ─ сказала она, выпрямляясь, ─ это новый способ вытягивания конечностей, полежишь тут немного, потом только «спасибо» скажешь. Да, сегодня, может быть, ночуешь у меня, маму твою я предупредила. «Немного» оказалось почти шестью часами, в течение которых женщина лишь изредка заглядывала в собственный кабинет, кажется, за это время она даже куда-то

ходила. По окончании этого срока она освободила меня от манжет, но, как выяснилось, только за тем, чтобы вновь произвести исследования, заключавшиеся, как и в прошлый раз, в поглаживании и ощупывании почти всего моего тела, затем мне разрешили попить и сходить в туалет, после чего, «как мы и договаривались», мне предстояло провести ночь на этой растяжке. Как не странно, но к утру я заснул, и проспал, кажется, часа два, по прошествии которых врач подняла меня и повела мыться в душ. Им оказалась, именно, душевая кабина (редкость для тех лет), заведя меня в которую врач коротко бросила: - Стой спокойно. После чего её жёлтая футболка потянулась вверх, открыв чёрный кружевной лифчик. - Ч... что вы делаете? - Не хочу забрызгаться, подальше отойди, спиной к стене стань. Повиновавшись, я со смесью страха и удивления смотрел, как с полного, но по-своему ещё довольно грациозного тела исчезла сначала футболка, потом №9472; штаны, потом №9472; кружевное бельё (мне казалось, что ничего красивее, я не видел!). Войдя в кабину, женщина включила воду, и начала намыливать сначала мою голову (не особенно заботясь о попавшем в глаз мыле), потом №9472; грудь, потом №9472; живот... В бессилии я лишь выполнял её команды, ожидая, пока её рука вновь сожмёт мои прелести... и вот, мои яйца вновь между тонких, но сильных пальцев, вновь над ухом мягкое, но настойчивое «давай-давай»... Правда, на этот развязка наступила быстрее... Удовлетворившись одним-единственным разом, она, одевшись, и вытерев меня, повела обратно в кабинет и, заставив одеть трусы, вновь привязала к кушетке. Вскоре пришла Аня, которой она продиктовала результаты проведённых со мной обследований, после чего меня «на этот раз» отпустили. В следующий раз, уж не знаю, к счастью моему или несчастью, на той самой вешалке была сумочка. Меня вновь обмеряли, осматривали, растягивали на кушетке, при этом даже фотографируя. Честно сказать, теперь я был разочарован. На следующий день я, точно, был практически обрадован тем, что сумки в той комнатушке не было, вот только встретили как-то прохладно. Вся работа на этот раз заключалась в длинном, почти двухчасовом моём стоянии в центре кабинета, в то время, как ортопед что-то печатала на своём компьютере. - Ну что, - произнесла она, оторвавшись от него, - в принципе, ты мне больше не нужен, может, ко мне вопросы будут? - Д... да. - И какие же? - Помогите мне... ну... чтобы не напоминал... - Боже! Я сам не мог поверить в то, что сказал! Ведь каких-то четыре дня назад мне делалось дурно при одной мысли о том, что придётся стоять перед ней в трусах, а теперь я полностью голый, ещё и осмеливаюсь просить её о подобных вещах! - Гм... нет, дорогой мой, №9472; чуть улыбнулась та, к кому я обращался, №9472; сначала ты сам, а там.., глядишь, и я тебе помогу... И, точно, первый раз у меня получилось кончить самостоятельно, затем, я вновь почувствовал прикосновение её мягкого и тёплого тела, её рук к моим самым сокровенным местам... - Если будут вопросы по этой части, №9472; услышал я, начиная выходить из забытья, = пожалуйста, звони, встретимся... А теперь бери свою карточку и иди домой. Стоит сказать, что, больше я ей так и не позвонил: сначала у меня появилась девушка. Потом же, когда мы расстались, вновь пришлось побывать в этом унизительном и одновременно дьявольски приятном положении подопытного, но об этом в следующей части).